

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

КОСТЕР НА ПУТИ НЕВЕСТЫ

Для начала позволю себе описать случаи, сторонним наблюдателем которых мне пришлось стать. Несколько неакадемический характер изложения, как мне кажется, позволяет зримо представить себе специфику церемонии и почувствовать основу идей и поверий, в ней отраженных.

1. Поздним августовским вечером 1988 г. поезд невесты направлялся к костру, полыхавшему на относительно небольшой площади (*чорсу/чорраха* — букв. «перекресток») в одном из старых районов Самарканда. По мере его приближения к огню мальчики, весело поддерживавшие его поблескивание, удалялись подальше, оставляя пространство вокруг пламенющего костра в распоряжение участников процессии. На смену спонтанно возникшему веселью мальчиков приходит осмысленный сценарий события с участием одних лишь женщин.¹ Постепенно рисунок события приобретает черты священнодействия. Невеста — в длинном традиционном *фаранджи* (покрывале) из современной парчовой ткани с длинными ложными рукавами (откинутыми за спину) и лицевой занавеской.² После паузы, длившейся несколько секунд, две женщины, приставленные к новобрачной, держа ее под руки, медленными шагами начинают водить ее вокруг огня. Троекратный обход костра совершается против часовой стрелки. Все происходит безмолвно, как будто действующие лица находятся во власти магической силы огня. Складывается впечатление, что смысл происходящего — именно в этом безмолвии. По задумчивому выражению лиц персонажей церемонии возникает ощущение, что они не замечают друг друга и каждый совершает круги в одиночестве. В пребывании в таком состоянии нетрудно угадать феномен огня: он склоняет человека к раздумью, как если бы тот находился перед алтарем. Происходящее подчеркивает благоговейно-почтительное отношение к блеску пламени огня, разведенного на пути следования поезда невесты к дому жениха.

После недолгого перерыва, заполненного музыкой и танцами, свадебная процессия продолжает движение к открытым воротам, оставив костер под покровом тьмы (этим пользуются мальчишки, которые, пока огонь не начнет медленно угасать, устраивают свои любимые прыжки через костер, называемые *алоупарак*). Шествие невесты встречает толпа празднично на-

строенных женщин. Они приветствуют невесту словами ритуальной песни «Саломнома» (букв. «Песня приветствия»).³ В ней, помимо поэтических сентенций, содержащих пожелания радостной и благополучной семейной жизни молодым, большое место занимает молитва, призванная уберечь новобрачных от всяческих бед и невзгод, сделать их родителями многих достойных детей. Славословия Мухаммаду и мусульманским святым перемежаются молитвами о покровительстве Бога и пророка религии будущей супружеской чете. За воротами, где все это происходит, для невесты — новая линия бытия. Ее введут в комнату, предназначенную для новобрачных, помещают (в ожидании прихода жениха) в углу, отделенном свадебной занавеской. Все это знаменует ее расставание с родительским домом и переезд в дом будущего мужа, где ей уготовано освоение ролей замужней женщины.

2. Наиболее распространенную форму рассматриваемой церемонии приходилось наблюдать в Пенджикенте. После банкета в ресторане, которому предшествовал мусульманский обряд бракосочетания, выполнявшийся мужчинами во главе с авторитетом в области мусульманской обрядности, свадебный кортеж направился к дому жениха. Головная машина с молодоженами остановилась против ворот праздничного дома неподалеку от горки хвороста, сложенной посреди перекрестка для церемониального огня. Кто-то из женщин зажег костер. Когда он запылал, дружки жениха и подруги невесты, сопровождавшие будущую супружескую пару, подвели молодых к костру, где их встретили четыре женщины. Они стояли, за углы поддерживая на вытянутых руках сравнительно небольшую декоративную вышивку (*болинпуш*) размером примерно 15 × 1,5 м (это панно затем набрасывается на подушки молодых на брачном ложе⁴). Молодым было предложено встать под панно. После этого участники церемонии (числом уже шесть человек) начали медленными шагами обходить костер, поблескивающий под открытым небом. Обведение вокруг огня (*алоугардон*⁵) совершалось три раза, против часовой стрелки. Зрители в основном женщины и дети; мужчины были представлены лишь дружками жениха. Они и присутствовавшие женщины, а также дети кольцом расположились вокруг костра, оставляя коридор для персонажей *алоугардона*. Несколько любопытствующих мужчин из числа иногородних гостей наблюдали за происходящим на значительном расстоянии от места события. После завершения ритуала *алоугардон* молодых подвели к спальному ложу. Этим завершился цикл добрачных событий.

3. Ритуал обведения невесты вокруг огня известен также в других местах Пенджикентского района. Так, в кишлаке Гусар на церемонии *арусбаророн* («вывод невесты» из родительского дома) новобрачную, прежде чем ввести в дом будущего мужа, трижды обводили вокруг костра (слева направо) на перекрестке напротив ворот дома жениха. В другом случае одна за другой были выполнены три операции, связанные с огнем. Сначала невеста и представленные к ней женщины трижды обходили костер (против часовой стрелки), разведенный во дворе дома родителей жениха. Прежде чем новобрачная начинала подниматься по бетонным ступенькам, ведущим в предназначенное для молодоженов помещение на втором этаже, пожилая мать жениха трижды окуривала ее зажженным в металлической миске пучком сухой травы *хазориспанд* (рута — *Peganum harmala*), шепотом приговаривая какие-то заклинания. После этой процедуры новобрачной предлагалось пере-

шагнуть еще и через миску с дымящейся рутой, установленную на земле у первой ступеньки лестницы.

На вопрос этнографа, что случилось бы, если бы невесту ввели в помещение, предварительно не обведя вокруг костра, мать жениха ответила: *Йак расм-дия, а(з) кадим мондаги. Ага(р) аруса гирди алоу давр нате(д), айб ас(т). Алоу нахса гум мекунат. Алоу хосияти нагз дорад, рушноию тозаги-дия*, то есть «Это такой обычай (букв. “изображение”), оставшийся от старины. Если невесту не обводите вокруг костра, то это изъян (недостаток в обряде). Огонь избавляет от (вредного влияния) нечистых сил. Огонь обладает хорошим свойством. (Огонь) — это свет и очищение».

О комбинированной форме обведения новобрачных вокруг огня с окуриванием рутой рассказывали мне и жители Бухары, в частности, принадлежащие группе *ирани*. В некоторых горных районах РТ, на Зеравшане, где, как и в центральных и западных областях Ирана (об этом немного ниже), обычай *алоугардон* не практикуется, его заменяет окуривание дымом руты.

Ритуальные огни молодоженов различаются по величине полыхающего пламени. В одном случае это достаточно большие костры с длинными языками, в другом они весьма символичны. По наблюдениям Е.М. Пещеревой, в Каратаге, в ремесленных кругах, перед новобрачной при ее входе в помещение для молодоженов жгут *испанд*, кусочки дерева и сухой травы. Эти компоненты называются *чуби роха*, т.е. букв. «щепочка, сор с перекрестка».⁶

Практика *алоугардон* нами была отмечена в Худжанде, Ура-Тюбе (совр. Истаравшан), Душанбе, в южных районах РТ (Шаартуз, Кабадиан), а также в Бухаре. Мимоходом сделанные замечания или беглое упоминание о ритуале встречаются почти во всех работах, посвященных семейно-брачным отношениям оседлого населения.

Еще в 1920 г. О.А. Сухарева опубликовала работу об обычае населения Шахристана (север РТ) обводить невесту трижды вокруг костра до того, как ее поезд отправится в дом стороны жениха.⁷ Спустя почти два десятилетия она возвращается к этому сюжету. На этот раз ее внимание привлекают реалии Самарканда. В своей новой работе, зачитанной, как и первая, специалистами, так сказать, до дыр, исследовательница писала, что в Самарканде невеста, которую везли в дом будущего мужа «обязательно на лошади, <...> должна была трижды объехать костер», разводящийся «перед домом жениха»; свадебный поезд сопровождали факельщики.⁸

Сообщения известного ученого были взяты на заметку многими этнографами, занимающимися центрально-азиатской тематикой. В итоге выяснилось, что лучи явления, исходящие из Самарканда (а также из Бухары), во многом закрепившего за собой репутацию законодателя культурных предпочтений в Центральной Азии, прямо или в определенном преломлении освещают подчас весьма отдаленные от него районы. Сколько-нибудь серьезная попытка осмысления этого феномена на сегодня не предложена, но установление самого факта существования церемонии объезда (или, в наше время, обхода) невесты вокруг костра преимущественно в древних районах среднеазиатской оседлости свидетельствует о глубоких и устойчивых корнях этого явления. Поэтому возникает соблазн предположить, что за явлением, мимоходом отмеченным О.А. Сухаревой, в структуре традиционной свадебной обрядности таджиков скрываются символические и идеологические представления.

Театрализованные действия, связанные с ритуальной практикой обведения невесты вокруг костра, показывают, как явление, зафиксированное О.А. Сухаревой, успешно воспроизводит себя в условиях нашего времени. В современном Самарканде о переезде невесты в дом будущего мужа на лошади, понятно, говорить уже не приходится. Как и повсюду в Центральной Азии, в этом городе торжественный выезд невесты, если того требует расстояние, совершается на современных легковых автомобилях, часто составляющих достаточно длинную вереницу. Что касается обведения молодухи вокруг огня, то чаще всего это происходит, когда поезд невесты подходит к воротам дома родителей жениха (или, в современных жилых массивах, к подъезду дома строителей). Возможен и вариант, когда *алоугардон* устраивается за воротами (с внутренней их стороны). Описанные выше эпизоды свадебной обрядности показывают, что невесту вокруг костра обводят одну (без жениха). Наряду с этим существует и другая форма «обведения». Характерной ее чертой является то, что будущая супружеская чета совместно совершает ритуальные круги вокруг костра, находясь под своеобразным балдахином, называемым *болинпуш* (букв. «покрывало для подушек»⁹). Он представляет собой нарядную вышивку размером, как уже говорилось, примерно 1,5 × 2 м. Его по углам поддерживают четыре женщины. Наши пожилые собеседницы в г. Пенджикенте, где подобная практика также имеет место, рассказывая о функциях *болинпуша*, пояснили, что оно защищает молодоженов от каких-либо заговоренных вещей, если они будут брошены в их сторону кем-либо с дурными намерениями. В Самарканде, как в Бухаре и Пенджикенте, невесту вокруг огня иногда несет на руках сам жених. Бывает, что она обходит два свадебных пламени: первый раз во дворе родительского дома, во второй раз — у ворот или во дворе дома родителей жениха. При всех вариантах невеста (молодожены) обходит костер три раза, к тому же — слева направо (против часовой стрелки). Нелишне напомнить (нам еще предстоит возвращаться к этому вопросу) читателю, что действующие лица, как и взрослые зрители рассматриваемых ритуальных действий, преимущественно женщины. Следовательно, *алоугардон* отражает специфику оперирования огнем женщинами и поэтому относится к особому женскому видению мира и себя.¹⁰

Вернемся к разговору о бытовании интересующего нас обычая обведения невесты или обоих молодоженов вокруг ритуального пламени в разных районах. Эта практика зафиксирована нами не только на Зеравшане. Как уже говорилось, она характерна для городов Ходжента (совр. *Худжанд*) и Истаравшана, а также их окрестностей. О ее бытовании приходилось слышать и в долине р. Исфары. На юге РТ существование этой церемонии отмечено нами в среде различных по этническому составу групп местного населения Кабадианского и Шаартузского районов, что подтверждается сведениями З. -Мадамиджановой, которая пишет, что арабы южного Таджикистана новобрачную три раза обводят вокруг костра во дворе дома ее родителей.¹¹

Заслуживают упоминания и сведения таджикского ученого Фаррухи Зехниевой. Она привлекает источники, из которых явствует, что в Бухаре невеста на лошади трижды объезжает вокруг костра, разведенного у дома жениха.¹² Достаточно подробные сведения о бытовании обычая ритуального обхода новобрачной вокруг огня в разных районах Центральной Азии

мы находим у Н.А. Кислякова. Так, согласно ему в Пенджикенте и Кштуте «во дворе дома новобрачной разводят костер, и, перед тем как отправиться в путь, молодую трижды обводят вокруг этого костра». ¹³ То же самое зафиксировано по Шахристану и Ягнобу. ¹⁴ В Шахристане новобрачную, кроме того, обводили трижды вокруг огня еще и перед отъездом в дом жениха; костер раскладывали на дворе дома родителей невесты. ¹⁵ В 50-е и 60-е гг. XX в. невеста переезжала в дом молодого на лошади, особенно если он находился на относительно большом расстоянии. Н.А. Кисляков отмечает, что в Чусте (Ферганская долина) новобрачную «трижды обводят вокруг костра на лошади или же, сняв с лошади, — пешком». ¹⁶ По Х.Г. Ишанкулову, в Ходженте при приближении поезда невесты на площадке возле дома жениха разжигался большой костер, около которого и встречали невесту. Группа девушек с невестой обходила несколько раз вокруг костра. «Считалось, что дэвы и другая нечисть боятся огня и, чтобы от них освободиться, нужно несколько раз обойти вокруг костра. С окончанием обхода присутствующих окуривали рутой». ¹⁷ Исфаринские таджики новобрачную перед домом ее родителей «обвозили вокруг костра». ¹⁸ Обычай разведения большого костра и обведения вокруг него невесты перед домом жениха отмечен также у таджиков Файзабада. ¹⁹ О кострах, раскладываемых перед домом молодого, когда туда прибывает невеста, сообщает Р.Л. Неменова, исследовавшая культуру таджиков Варзоба. ²⁰

Уместно отметить еще один факт, который свидетельствует о поразительной устойчивости ритуала разжигания церемониальных (свадебных) огней. Он касается рассказа (частная беседа) научного сотрудника Института языкознания РАН Л.Р. Додыхудоевой о трогательном отношении к свадебному огню у припамирских народов. О случае, запомнившемся ей, Л.Р. Додыхудоева рассказывала так: «На третьем этаже жилого дома в Хороге невесту в свадебном наряде (прежде чем ее поезду отправиться в путь в дом жениха) подвели к электроплите. Плиту включили в сеть и, когда спираль была уже докрасна накалена от напряжения, посыпали на нее немного сухой мелкой травы *страхм* — благовонной травы (анафалис прутьевидный — *Anaphalis virgata* Thoms). Когда *страхм* начал дымить, издавая специфический запах, невеста трижды совершила *таъзим* (“поклон”) электроплите, и после этого ее поезд двинулся в путь, спускаясь вниз по лестнице». Совершенно очевидно, что в данном случае (в условиях городской квартиры) электроплита выступает имитацией семейного очага сельского родительского дома.

Интерес вызывают данные, зафиксированные еще в 1928 и 1929 гг. Э.Г. Гафферберг у джемшидов и хазара — двух многочисленных кочевых иранских племен. По ее наблюдениям, у них молодые при входе в жилище (*чанпару*) должны были перешагнуть через котел. На одной «джемшидской свадьбе, — пишет Э.Г. Гафферберг, — на невесту посыпали золу из очага». ²¹

Анализируемый обычай отмечен этнографами у узбеков в районах с засвидетельствованной древней восточно-иранской оседло-земледельческой культурой. В монографии, посвященной формированию новой обрядности узбеков, Н.П. Лобачева пишет, что «около дома жениха обязательно разводили костер <...>. Арба, на которой находилась невеста, проезжала этот костер, или невесту трижды обводили вокруг него (или вокруг трех костров), что будто бы способствовало очищению от грехов». ²² Интерес вызывает особен-

ность обведения невесты у узбеков-карлуков. У них невеста обходила (или переезжала на лошади) три огня — перед юртой отца (при выходе из нее), затем специально разведенный костер (видимо, у родительской же юрты) и на руках жениха у его юрты.²³ Интересно отметить, что в этих районах обход костра, который совершается, заметим, невестой (без участия жениха), сочетается с ее переездом (на арбе или лошади) через ритуальный огонь либо эта процедура происходит в форме лишь переезда. Н.П. Лобачева, рассматривая традиционный свадебный обряд узбеков г. Хивы, указывает, что здесь у ворот дома жениха разжигали костер, через который проезжала арба с невестой.²⁴ Г.П. Снесарев, немного раньше обративший внимание на существование в прошлом у узбеков Хорезма практики обведения новобрачной вокруг огня, также сообщает о костре, «через огонь которого переезжала арба с невестой».²⁵ Любопытны данные Л.Ф. Моногаровой, наблюдавшей свадебные церемонии полукочевых в прошлом узбеков Пастдаргомского района (Самаркандская область). Там, по ее материалам, сначала двумя зажженными свечами трижды обводили головы молодоженов, а потом невесту (одну, без жениха) обводили вокруг огня во дворе дома жениха.²⁶

О почтительном отношении к огню в контексте свадебной обрядности у киргизов начала XX в. сообщает Ф.А. Фиельструп. Он пишет, что, когда «невеста вступает первый раз в юрту мужа, <...> трижды кланяется перед огнем, прижимая правую руку ко лбу, а левую — поперек под грудь». Там же говорится: «Кланяясь в первый раз, она бросала в огонь сало — чтобы быть счастливой, при третьем коленопреклонении самый уважаемый человек из присутствующих, отец большой семьи, по указанию родителей молодожена сразу открывает» покрывало, в котором невеста вступает в эту юрту.²⁷ Материалы Ф.А. Фиельструпа, отражающие действительность культуры киргизов, созвучны с данными М.С. Андреева, который пишет, что у таджиков долины Хуф невеста совершала прощальный поклон очагу в родительском доме.²⁸ Молодая входила в дом будущего мужа при священном курении у очага.²⁹

Из данных, характеризующих обычаи киргизов и полукочевых узбеков Пастдаргомского района, вытекает, что разные формы почитания огня, среди которых церемония обведения невесты вокруг ритуального костра, выступают неотъемлемой частью традиционной свадебной обрядности не только у оседлого населения Центральной Азии. Он был распространен и в среде народов, исповадовавших идеологию кочевого или полукочевого образа жизни. Об этом свидетельствует и сообщение С.М. Демидова, который пишет, что туркменские молодожены «проезжали через костер, зажженный перед домом» жениха.³⁰

По всему видно, что обычность ритуала обведения новобрачной (новобрачных) вокруг костра не вызывает сомнений. Он представлял (и представляет) собой достаточно устоявшееся явление, составной частью входившее в традиционную свадебную обрядность народов Центральной Азии. Свидетельством устойчивости анализируемой церемонии является ее повторяемость в одной и той же ритуальной реальности. У таджиков наиболее знаковым событием является разжигание костра на пути невесты у ворот дома жениха; в этом случае молодых вокруг ритуального огня обводят вместе. Нередко этому предшествует огонь, который раскладывается у ворот (часто с

внешней стороны) родительского дома новобрачной; этот первый огонь служит для обведения невесты одной, без жениха. Кое-где, как мы уже отмечали, существовала практика трех свадебных огней. В недавно опубликованной работе Н.П. Лобачевой говорится, что в г. Карши «перед домом жениха разжигают три костра. Жених снимает невесту с лошади и обносит ее по одному разу вокруг каждого костра».³¹ Основу названной работы Н.П. Лобачевой составляют сведения, содержащиеся в литературе, а также собственные полевые материалы, собранные не только в среде хорезмских узбеков, но и в других районах Центральной Азии. Благодаря этому ей удалось обнаружить ощутимо расширенный ареал бытования этого обычая в традициях народов региона.

Возвращаемся к вопросу о разнообразии форм использования огня в свадебных церемониях народов Центральной Азии. Из публикации Н.П. Лобачевой видно, что кое-где, в основном в скотоводческой в прошлом тюркоязычной среде (например, у локайцев), процедуре обведения вокруг огня подвергаются не только невеста (без жениха) или молодожены одновременно, но и один жених (уже без молодухи).³² Исследовательница приводит также сведения относительно сопровождения свадебного шествия факельщиками; она отмечает и случай, когда невеста при переезде ночью держит в руках факел.³³ Как отмечалось выше, в ряде районов с таджикским населением *алоугардон* выполняется в сочетании с обведением новобрачной (новобрачных) дымом зажженной руты, иногда ограничиваются выполнением лишь последней процедуры (в этом случае зажженную руту обносят чаще вокруг голов молодоженов). В Самарканде, к примеру, существовал комбинированный способ. О.А. Сухарева подчеркивает, что здесь, прежде чем жениха вести за свадебную занавеску к невесте (это происходило в доме стороны новобрачной), ее (занавеску) обводили зажженными свечами или специальными светильниками *нукча*. После этого трижды обводили огнем вокруг голов новобрачных, «отгоняя якобы таким образом злых духов, которые стремятся, уловив удобный момент, повредить жениху и невесте».³⁴ Сходный обычай отмечен также Н.П. Лобачевой.³⁵

О формах фигурирования огня в системе свадебной обрядности таджиков можно говорить долго. Они свидетельствуют о неразделимости традиционных свадебных церемоний и стихии огня. Даже такая, казалось бы, незамысловатая сцена танцев и песен вокруг огня, разжигавшегося у горных таджиков на крыше дома стороны жениха перед церемониальным отъездом последнего в дом родителей невесты, говорит о том, что огонь является непременным условием, подтверждающим подлинность самой свадьбы как события, конечной целью которого является формирование новой семьи. В ряде случаев (как, например, в кишлаках долины реки Кштут (к. Газза) мужские танцы и вокализмы *ох-хо*, *як-ка* принимают характер экстаза. Отметим и то, что после отъезда невесты жених в сопровождении 10–15 друзей с факелами (зажженными масляными тряпками, намотанными на палки) отправлялись в дом невесты.³⁶

Значение, которое придается в оседлой среде Центральной Азии церемонии обхода новобрачными ритуального огня, убеждает в непоколебимых корнях успешно воспроизводившего себя явления, свет которого мерцает из глубины затянутых мглой времен.

В связи с разнообразными вариантами обращения к огню и очагу в свадебной обрядности чрезвычайно интересны данные М.С. Андреева, характеризующие особенности оперирования свадебным огнем у таджиков долины Хуф. По его сло-

вам, здесь «на обоих краях очага разводится священное курение». Молодая перед отъездом в дом мужа «подходит к очагу, благоговейно наклоняется к нему и, дотронувшись до него руками, проводит ими потом по своему лицу, т.е. делает то, что принято делать при поклонении святыне».³⁷ Согласно свидетельствам этого же автора, в Хуфе, «еще до того, как новобрачная войдет в дом [будущего мужа. — *P.P.*], мать молодого разводит на обычном месте у очага священное курение. Считается очень хорошим, чтобы молодая впервые вошла в дом при этом священном курении, называемом теперь <фирихта> — <ангелы>».³⁸ Сведения М.С. Андреева напоминают сообщение Н.П. Лобачевой, относящееся к некоторым группам узбекского населения. Она отмечает, что у них «невесту вели к домашнему очагу, где разжигали огонь и лили в него масло; считалось, что это приобщает ее к новому роду и умилоstitит предков. После этих церемоний невесту вели в комнату, где ей предстояло жить».³⁹ Отмеченный Н.П. Лобачевой факт созвучен с обычаем казахов, у которых после того, как невеста переступала порог, трижды кланялась, свекровь подавала ей растопленное сало, и та выливала его в огонь. А.Т. Толеубаев, который приводит эти сведения, склонен интерпретировать обычай как имеющий связь с культом семейных святынь и покровительниц домашнего очага.⁴⁰ Следует отметить и то, что у припамирских таджиков при отъезде новобрачной на очаге разводилось курение, молодая подходила к нему, притрагивалась рукой к месту, где дымилось курение, и подносила руку сначала к губам, а затем ко лбу.⁴¹

Вызывает интерес отношение к огню в свадебной обрядности зороастрийцев Ирана. Согласно Ардаширу Азар Гошасбу, когда поезд невесты на пути следования в дом молодого проезжает мимо ворот родственников невесты или жениха, хозяйки этих домов зажигают огонь у ног невесты. Специальный огонь перед невестой зажигается, когда ее шествие подходит к воротам дома родителей жениха. Его раскладывает мать молодого или кто-нибудь из числа старших родственников женского пола. После этого молодуха вместе с участниками ее поезда входит во двор, а там еще один костер, зажженный предварительно. Он предназначен для ритуального обведения невесты, что происходит в атмосфере всеобщего веселья и эмоционального подъема.⁴² Автор не уточняет кратности обхода молодоженами церемониального костра. Из бесед, которые мы имели по этому вопросу с приверженцами зороастрийской религии во время недельного пребывания в Тегеране в 2000 г., выяснилось, что в зороастрийской общине Тегерана существует практика трехкратного обхода молодоженов вокруг костра. Иранский ученый-филолог Афсане Монфаред в частной беседе с автором сообщила, что в центральных районах Ирана, когда поезд невесты отправляется в дом будущего мужа, голову новобрачной обводят дымом зажженной в жаровне пахучей руты (*есфенд*). Та же самая манипуляция производится, когда ее поезд уже находится у ворот, за которыми ее ожидают новое пространство и новая среда. «Но в этом случае, — уточнила она, — зажженной руты обводят не только невесту, но и жениха». Из сообщения С.М. Марр мы узнаем, что в Иране перед новобрачной, когда ее шествие направляется в дом жениха, женщины «несут зеркало и зажженную свечу <...>. У дома [жениха. — *P.P.*] стоит столик, на нем мангал с горящими углями, на нем жгут зерна есфенда для предохранения [невесты. — *P.P.*] от сглаза».⁴³ Р.А. Галунов, описавший «среднюю персидскую свадьбу», свидетельствует, что во время совершения обряда

обручения в комнате наряды с большим зеркалом, чашей с водой и лепестками цветов и сладостями «ставятся пара зажженных канделябров», при подходе поезда невесты к дому мужа «приносят жаровню и курят <...>. Навстречу невесте выносят жаровню, на которую бросают зерна руты». ⁴⁴ С.М. Марр отмечает, что при совершении обряда венчания «из дома жениха приносят зеркало, два подсвечника (*лалэ*) и зерна руты (*есфенд*); зерна эти раскладываются на блюдо семью фигурками: звезды, плодов, цветов сердца и т.д.; каждую фигуру красят в особый цвет — красный, зеленый, синий, желтый. После окончания церемонии это блюдо обводят вокруг голов жениха и невесты, бросают в огонь зерна и окуривают жениха и невесту». ⁴⁵ Иранцы считают, что *есфенд* охраняет от сглаза. Они говорят: «Пусть лопнут глаза недоброжелателей подобно зернам [*есфенда*. — *Р.Р.*] на огне!». ⁴⁶

О чертах евразийской традиции использования огня в свадебной обрядности свидетельствуют данные, характеризующие обычаи народов Кавказского региона. В этом плане мы ограничимся упоминаниями в обобщающей монографии Ю.Ю. Карпова, которая изобилует сведениями об использовании огня и очага в свадебной практике народов этого региона. В частности, он приводит сообщения источников XIX в. об обычаях населения Южной Осетии: «Родственники ведут невесту [в дом жениха. — *Р.Р.*], жених же, отправившись вперед, встречает ее у дверей с зажженным факелом». ⁴⁷ В Мтиулети при вождении жениха с невестой вокруг очага шафер *меджваре* и распорядитель *эджиби* били пашками по надочажной цепи. ⁴⁸ В упомянутой монографии Ю.Ю. Карпова можно почерпнуть много полезных для нашего предмета сведений о ритуалах, в основных своих чертах схожих с обычаем свадебных огней у таджиков. Так, на юге Осетии «невесту три раза водят вокруг очага и потом сажают на возвышенное место». ⁴⁹ Или: «У мохевцев после совершения данного акта [надевания на молодоженов венцов. — *Р.Р.*] молодых трижды в сопровождении *макари* (дружек), державших обнаженные сабли, обводили вокруг горящего очага сначала в доме невесты, а потом в доме жениха». В этом же источнике говорится, что на грузинской свадьбе «шафер обводил невесту вокруг очага, обычно трижды». ⁵⁰ Это происходило в доме жениха. На свадьбе у ингушей шафер брал невесту за руку и обводил ее три раза вокруг огня. После этого, ударив рукой по цепи, на которой висел котел в середине комнаты, он выводил ее из родительского дома. ⁵¹ От жителей Дагестана приходилось нам слышать рассказы, согласно которым у них впереди свадебной процессии (когда она направляется к дому жениха) идут факельщики. Для факелов используется обыкновенный кизяк, который окунается в керосин и зажигается. Кроме того, на протяжении всего пути следования шествия однообщинники зажигают костры, каждый у ворот своего дома (ср. отмеченный выше обычай зороастрийцев Ирана). Это означает, что жители разделяют радость брачующихся сторон.

Различные формы церемониальных огней, в том числе для обведения новобрачной, специалистами отмечены и в восточно-славянской традиции. По Д.К. Зеленину, у украинцев в составе дружины (поезда) жениха «есть даже девушка, которая несет свечу (*свитілка*), вооруженная *мечом* или *саблей*»; в Черниговской губ. пару свечей укрепляли на сабле. ⁵² С точки зрения общих черт с анализируемым обычаем у таджиков интересен и другой пассаж этого исследователя, где он пишет, что у русских «в воротах дома жениха зажигают костер, через который переезжает невеста и весь свадебный поезд с целью риту-

ального очищения».⁵³ В.И. Еремина ссылается на источники, описывающие этнографические реалии Новороссийского и Северо-Западного краев России конце XIX в. Они сообщают, что при возвращении из церкви свадебный поезд очищается водой или огнем. Действие происходит следующим образом: «На дороге или у ворот молодого родные его разводят костер, через который молодые должны проехать».⁵⁴ Читатель наверняка обратил внимание на сходство данного обычая с отмеченными выше обрядовыми действиями населения Самарканда, Бухары, а также южного Хорезма. Источники, которыми пользуется В.И. Еремина, не сообщают только о кратности акта очищения, в остальном перед нами одно и то же отношение к огню как средству очищения. Ритуальный огонь в русском свадебном ритуале отмечен также Н.В. Зориным. По этому поводу он пишет следующее: «В некоторых селах Чебоксарского уезда во время движения поезда [невесты. — Р.Р.] в церковь на дороге разводили огонь, и все поезжане переезжали через него, чтобы <очиститься от порчи>».⁵⁵

Обряд, аналогичный *алоугардон*, широко известен и в Индии. Об этом свидетельствуют, в частности, процедуры свадебных церемоний, перечень которых приводит Р.Б. Пандей.⁵⁶ По-видимому, в немусульманской среде этой страны невеста обходит костер вместе с женихом. С.А. Маретина пояснила автору, что данный обычай называется «семь кругов» или «семь шагов».

Едва ли найдется другая сфера семейных событий, где присутствию огня придавалось бы столь большое значение, как это происходит во время свадебных торжеств. Об этом свидетельствуют не только переносные костры типа *алоугардон*, раскладываемые под открытым небом, но и подвижные огни. Читатель помнит замечание О.А. Сухаревой, которая подчеркивает, что свадебный поезд сопровождали факельщики. По ее словам, яркое пламя факелов придавало свадебному поезду праздничность и торжественность и вместе с тем разгоняло ночную темноту, которая, как верили, таила опасность для новобрачных.⁵⁷ В таджикской среде подобная практика была распространена во многих районах, в особенности к северу от Зеравшанского хребта. Иранский ученый Махмуд Катирайи говорит о переносных огнях — факелах, сопровождавших поезд невесты у персов.⁵⁸ Согласно его сообщению, подвижные огни в виде факелов назывались *маш'ал*, а пары зажженных лучин, как в Бухаре, — *шамъ*. Афганцы для этой цели широко применяли и пальбу (холостыми зарядами) из ружей, которую производили дружки жениха.⁵⁹ Есть сообщения о том, что у персов путь невесты к дому будущего мужа освещался двумя зажженными лампами (*чарâг*); их вместе с горячими углями (в мангале) и зеркалом, которые также сопровождали процессию, передавала сторона жениха. Огонь в мангале поддерживался сухими ветками руты (*эспенд*).⁶⁰ Эти данные заставляют вспомнить сообщение Н.П. Лобачевой, которая заметила, что у узбеков некоторых районов невеста переезжала в дом жениха с факелом или лампой в руках, отмечается также чайник. В других случаях «она везла зеркало и лепешку. Все это делалось для того, чтобы предотвратить возможность <сглаза>, помешать нанести ей вред»⁶¹.

Как элемент свадебной обрядности церемониальные факелы были известны и у других народов мира. В Древней Греции родители невесты, провожая ее в дом жениха, зажигали факелы, которые несли в процессии. Роди-

тели жениха, встречая новобрачную, также держали в руках зажженные факелы. Сопоставляя большую группу подобных сведений, почерпнутых из разных источников, Р.В. Кинжалов подчеркивает, что в Древней Греции «зажечь свадебный факел полагается матери жениха или матери невесты». Далее исследователь отмечает: «Был обычай, чтобы мать женившегося выходила навстречу новобрачной с факелами». ⁶² По сообщению Р.В. Кинжалова, у древних греков Гестия как богиня очага дома невесты провожала новобрачную до ее нового обиталища, а Гестия дома жениха встречала новобрачных. ⁶³ По данным М.Дж. Джамшедджи, в Древней Греции жених встречал невесту в своем доме, держа в руках огонь и воду, «так же поступал и жених в Древнем Риме, считая огонь и воду насущными для жизни и этим демонстрируя своей невесте готовность обеспечить ее всем необходимым». Там же подчеркивается, что у римлян брачная церемония происходила перед алтарем (*atrium*) их священного огня, в среде парсов Австралии невесты переезжали в дом мужа со своим огнем. ⁶⁴ В этой связи необходимо вспомнить сообщение источника о реалиях жизни и быта припамирских народов. Там говорится, что молодая перед отъездом в дом будущего мужа подходила к очагу родительского дома, брала щепотку золы (из очага) и опускала ее себе за голенище. ⁶⁵ Более показательны в этом отношении данные Л.Ф. Моногаровой, которая указывает, что в Рушане существовал обычай, согласно которому невеста перед отъездом в дом будущего мужа молилась перед очагом, затем брала из него золу и забирала с собой. А у бартангцев мать девушки завертывала в платок немного золы из очага и давала ей с собой. ⁶⁶ Интересно, что у восточных славян еще недавно при переселении в новую избу неизменно переносили и огонь из очага прежнего дома. А.Е. Тер-Саркисянц при описании кульминации традиционной свадьбы у сельских армян указывает, что у них существовал особый ритуал прощания с родительским очагом. Он состоял в том, что, «трижды обойдя вокруг него, молодожены целовали его края, а иногда брали из очага щепотку золы». ⁶⁷ Когда новобрачные были уже в доме стороны жениха, молодые подходили к очагу (*тонир*), целовали его края и «бросали в него золу, взятую в доме молодой». ⁶⁸

Интересно, как порою какие-то элементы культуры проходят через разные обряды жизненного цикла, цементируя их в единое целое. Так, А.К. Салмин, подвергая анализу семантику надмогильного столба в связи с окончательными проводами души умершего в иной мир у чувашей, описывает их песни и пляску «под лад свадебных или рекрутских песен». ⁶⁹ Далее процитирую пассаж этого исследователя: «Пляску открывает старуха: она оборачивается на север, подходит к огню, кланяется ему, затем бьет в ладоши и начинает плясать. За ней подключаются все до единого, притом немощных и престарелых поддерживают другие. В конце делают три круга вокруг огня. <...> Первый круг делают подальше от огня, второй — поближе, а третий — вплотную, к огню». ⁷⁰ Как видно, в этой церемонии прослеживаются некоторые черты схожести с интересующим нас ритуалом *алюгардон*.

Обрисованные особенности свадебных ритуальных огней, в том числе их временной и пространственной диапазоны, не оставляют сомнений в том, что этот сюжет ждет своих исследователей. О.А. Сухарева остановила свое внимание на объезде невесты вокруг огня в Самарканде, несомненно, узрев в этом действе черты выраженного почтительного отношения к огненной стихии. Характерные черты церемонии объезда невесты вокруг событийного костра, насколько

нам известно, остававшиеся практически незамеченными до О.А. Сухаревой, лежат, как говорится, на поверхности. Это видно из того, что данное действие в ее работе выступает отнюдь не забавой; как явление, оно отражает очевидные признаки осмысленного священнодействия. Наряду с прочими особенностями на это указывает также отсутствие вербального оформления церемонии, что еще с большей силой подчеркивает почтительное отношение к пламени костра. «Тихий», т.е. невербальный, характер прохождения ритуала, как нам кажется, объясняется негативным отношением в исламе к публичным проявлениям почитания огня. Далеко не случайно, что мужчины, которые тяготеют к исламу больше, чем женщины (этот вопрос предстоит рассмотреть отдельно), зачастую избегают *алоугардон*, видимо, из соображений чистоты «своей» религии.

Как событийный огонь *алоугардон* молодоженов в Самарканде дает вполне отчетливое представление о достаточно широком «географическом» диапазоне бытования этой практики в Евразии. Обрисованное подчеркнуто почтительное отношение к огню имеет и то важное значение, что убеждает в его глубоких исторических корнях, оно несет на себе печать некогда развитого культа этой природной стихии в индоевропейской традиции. Отсюда и необходимость обращения к теме огня как бы из прошлого, в разрезе временного диапазона концепции этой природной стихии. Интерес представляет то обстоятельство, что в отдаленные доисламские времена огонь был символом первой в индоевропейском мире религии откровения — зороастризма. Этот аспект является сюжетом следующей главы книги. Обращение к нему ориентирует на необходимость прослеживания возможных элементов преемственности традиции в вопросе об отношении к стихии огня; для наших целей это важно. Основное внимание в предлагаемой главе уделено сопоставлению доисламской концепции огня с вводимыми автором в научный оборот данными, характеризующими исламскую доктрину огня, что имеет принципиальное значение. Что касается выборочных сведений, носящих мифологический характер или относящихся к доисламскому культу огня у народов иранского мира, они общеизвестны, отсюда и краткость их изложения. Между тем выборка этих материалов произведена в направлении поисков, как уже говорилось, истоков интеллектуального отношения к огню в условиях современного таджикского общества. По моему мнению, такой опыт не лишен определенного интереса, тем более что подобные сравнения так или иначе подадут сигнал о мотивах почтительного отношения к огню, что мы видим, например, наблюдая ход событий вокруг костра новобрачных.

***

1. Обычно мужчины, не считая друзей жениха, избегают этого ритуала, считая его женским делом.

2. Хабиба Фатхи, исследовавшая аспекты женской проблематики в постсоветской Центральной Азии, также сообщает, что в Бухаре невеста переезжает в дом будущего мужа в покрывале (в ее терминологии — *паранджа*), которое дополняет лицевая занавеска (см.: *Fathi Habiba. Femmes d'autorité dans l'Asie centrale contemporaine. Quête des ancêtres et recompositions identitaires dans l'Islam postsoviétique. Maisonneuve & Laroe / Institut français d'études sur l'Asie centrale. 2004. P. 208*).

3. О *саломноме* как форме благопожеланий, приветствий и молитв в цикле свадебных обрядов населения Самарканда упоминается в работе О.А. Сухаревой (см.: *Сухарева О.А. Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии // СЭ. 1940. Вып. III. С. 174*).

4. О.А. Сухарева, говоря о приданом невесты, отмечает, что состоятельные родители ограничивались двумя–тремя комплектами вышивок: «сюзани (расшитое равномерно по всему полю покрывало, набрасывавшееся сверх одеяла), руйджо (простыня, окаймленная широкой вышивкой, идущей по краям; середина остается незаполненной); болинпуш (покрывало на изголовье; орнамент, как и на сюзани, располагается равномерно по всему полю) и джойнамоз (коврик для молитвы)». (См.: *Сухарева О.А. К истории развития самаркандской декоративной вышивки // Литература и искусство Узбекистана. Ташкент, 1937. № 6. С. 122*). В другой работе, возвращаясь к этому сюжету, она описывает, как постилали брачное ложе, и указывает, что сначала складывали одно на другое все одеяла и тюфячки, которые имелись в приданом невесты. Затем сверху постилалась расшитая простыня, «на подушки накидывалась специальная вышивка <болинпуш>, поверх одеял набрасывали большую вышивку <сюзани>. Все эти вышивки должны были быть сделаны на ткани белого цвета (см.: *Сухарева О.А. Свадебные обряды таджиков... С. 176*). Сходные сведения отмечены также З.А. Широковой (см.: *Широкова З.А. Декоративные вышивки таджиков верховьев Зеравшана // История и этнография народов Средней Азии. Душанбе, 1981. С. 130*).

5. Следует отметить, что термин *алоугардон* (от *алоу* — «огонь», «костер», «пламя» и *гардон* — «обведение»), употребляемый мною для обозначения обряда обведения молодых вокруг костра, не является общеупотребительным. Дело в том, что наши информанты при поиске терминологического выражения рассматриваемого ритуала часто испытывали трудность. Создается впечатление, что термин для его оформления утрачен. Об этом свидетельствуют описательные выражения типа *ча(р)х метим* («вращаем» вокруг огня) или *давр метим* («обводим» вокруг костра), которые информанты употребляли, имея в виду название анализируемой церемонии. Иногда приходилось слышать слово *гулхангардон* (от слова *гулхан*, значение которого в данном случае — «пламя», «костер»). Из последующих изложений читатель почувствует причины слабого терминологического оформления практики ритуального обведения молодоженов вокруг костра в живой речи таджиков. Думается, что это связано отчасти с несовместимостью «шепота» доисламской концепции огня в атмосфере господства исламских представлений об этом природном благе.

6. *Пещерева Е.М.* Свадьба в ремесленных кругах Каратага // *Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978. С. 185.*

7. *Сухарева О.А.* Некоторые вопросы брака и свадебные обряды у таджиков кишлака Шахристан // *Сборник научного кружка Восточного факультета Среднеазиатского государственного университета. Ташкент, 1920. Вып. I. С. 82.*

8. *Сухарева О.А.* Свадебные обряды таджиков... С. 175–176. Сходные детали О.А. Сухаревой отмечены и в работе, которая к свадебной обрядности имеет косвенное отношение (см.: *Сухарева О.А. К истории развития... С. 124*). Рассуждая о магическом значении узора *чор-чирог* («четырёхрезервуарный светильник»), автор констатирует, что роль огня в магии берега общеизвестна. «В этом значении, — подчеркивает она, — огонь неоднократно фигурирует и в свадебном ритуале. Горящий светильник трижды обносят вокруг голов жениха и невесты при первом их свидании под свадебной занавеской; невесту обводят вокруг горящего костра, прежде чем вести в дом жениха; свадебный поезд сопровождается факелами, яркое пылание которых должно прогнать грозную для первобытного человека темноту. Во всех этих деталях свадебного ритуала роль огня как магического берега выступает достаточно ясно» (Там же).

9. Название *болинпуш* связано со вторым ее назначением — служить накидкой на подушку новобрачных, когда постилают брачное ложе.

10. Разграничение событийных костров на «женский» и «мужской», видимо, представляет собой составную часть более сложных явлений, связанных с устойчивостью нормативных полоролевых функций в традиционном таджикском обществе. Некоторые аспекты вопроса о разграничении двух огней в культуре таджиков — сугубо женских и сугубо мужских — затронуты в публикациях автора. См.: *Рахимов Р.Р.* 1) Огни женщин... С. 247–252; 2) Промерна ли постановка вопроса... С. 242–247.

11. *Мадамиджанова З.* Арабы южного Таджикистана (Историко-этнографические очерки). Душанбе, 1995. С. 104.

12. *Зехниева Ф.* Сурудҳои маросими туи тоҷикон («Обрядовые песни свадебного цикла у таджиков»). Душанбе, 1978. С. 47. Ср. приведенные выше данные О.А. Сухаревой.

13. *Кисляков Н.А.* Семья и брак у таджиков... С. 131.
14. Там же. С. 110.
15. Там же. См. также С. 112.
16. Там же. С. 131.
17. *Ишанкулов Х.Г.* Брак и свадьба у населения Ходжента в Новое время (конец XIX — начало XX в.). Душанбе, 1972. С. 74–75.
18. *Кисляков Н.А.* Некоторые материалы по этнографии исфаринских таджиков // ИООН АН ТаджССР. № 5. Материалы по истории, археологии, этнографии и филологии Таджикистана и Средней Азии. Сталинабад, 1954. С. 54.
19. *Мардонова А.* Свадебное торжество у таджиков Файзабада // История и этнография народов Средней Азии. Душанбе, 1981. С. 116.
20. *Неменова Р.Л.* Таджики Варзоба. Душанбе, 1998. С. 181.
21. *Гафферберг Э.Г.* Формы брака и свадебные обряды у джемшидов и хезарэ // СЭ. 1935. № 1. С. 98.
22. *Лобачева Н.П.* Формирование новой обрядности узбеков. М., 1975. С. 36.
23. *Шаниязов К.* Узбеки-карлуки (Историко-этнографический очерк). Ташкент, 1964. С. 149–151.
24. *Лобачева Н.П.* Хивинская свадьба // Этнография Таджикистана. Душанбе, 1985. С. 120. Интересные сведения мы находим и в другой ее работе. См.: *Лобачева Н.П.* Различные обрядовые комплексы в свадебном церемониале народов Средней Азии и Казахстана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 321.
25. *Снесарев Г.П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 82.
26. *Моногарова Л.Ф.* Семья и семейный быт // Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969. 234–235.
27. *Фиельструп Ф.А.* Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М., 2002. С. 47. См. также С. 53.
28. *Андреев М.С.* Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). Сталинабад, 1953. Вып. I. С. 171.
29. Там же. С. 172. Ср. отношение к курению при выезде жениха за невестой (Там же).
30. *Демидов С.М.* О верованиях и обычаях туркмен, связанных с огнем // Исследования по этнографии туркмен. Ашхабад, 1965. С. 166. См. также с. 167.
31. *Лобачева Н.П.* Из истории верований и обрядов: Огонь в свадебном комплексе хорезмских узбеков (по материалам середины XX в.) // ЭО. 2001. № 6. С. 25. Ср. также аналогичную практику каршинских узбеков (Там же. С. 26).
32. Там же. С. 26, 28.
33. Там же. С. 25–27.
34. *Сухарева О.А.* Свадебные обряды таджиков... С. 175.
35. *Лобачева Н.П.* Из истории верований и обрядов... С. 24–26.
36. *Нурджанов Н.* Свадьба // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1976. Вып. 3. С. 39–40.
37. *Андреев М.С.* Таджики долины Хуф... С. 171.
38. Там же. С. 172. Ср. также отношение к курению при выезде жениха за невестой (Там же).
39. *Лобачева Н.П.* Формирование новой обрядности... С. 37.
40. *Толеубаев А.Т.* Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX — начало XX в.). Алма-Ата, 1991. С. 28–29. Там же А.Т. Толеубаев приводит параллели этого обычая в других тюрко-монгольских традициях.
41. *Андреев М.С., Половцев А.А.* Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан // Сборник МАЭ. Т. IX. 1911. С. 15.
42. *Āzar Gošasb Ardashir.* Marāsimi mazhabī va ādābi zartōshīyān («Религиозные церемонии и обычаи зороастрийцев»). 3-е изд. Тегеран, 1372 (г.х.). С. 185.
43. *Март С.М.* К изучению персидской свадьбы // Сборник МАЭ. 1930. Т. IX. С. 204–205.
44. *Галунов Р.А.* Средняя персидская свадьба // Сборник МАЭ. 1930. Т. IX. С. 190–193.
45. *Март С.М.* К изучению персидской свадьбы... С. 200–201.
46. Там же. С. 201, прим. 1.

47. Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001. С. 83.
48. Там же. С. 85.
49. Там же. С.83.
50. Там же. С. 95. Чрезвычайно интересны также привлеченные Ю.Ю. Карповым материалы, которые касаются приобщения молодой к семейному очагу. Этот акт носил ритуальный характер; он совершался путем обхода очага (С. 119–123).
51. Шегрен А.М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Кавказ. 1846. № 28. Ср. также данные Е. Шиллинга (Шиллинг Е. Ингуши и чеченцы // Религиозные верования народов СССР. М.; Л., 1931. Т. III. С. 13).
52. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 335. Там же отмечается, что у русских, когда свадебный поезд приближается к дому невесты, на порог дома «сходятся две свахи, со стороны жениха и невесты, каждая с хлебом, солью и зажженной свечой в руках; они ставят на порог правые ноги, склеивают свои свечи, так что те горят одним пламенем, и целуются через порог». Это, по мнению Д.К. Зеленина, рассматривается как знак объединения огня очагов двух родов (С. 335–336).
53. Там же. С. 336.
54. Еремина В.И. Ритуал и фольклор. Л., 1991. С. 91.
55. Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. М., 2001. С. 85.
56. Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды (обычаи) / Пер. с англ. А.А. Вигасина. М., 1990. С. 173. В этом источнике говорится также о свадебном огне, к которому подвели невесту (Там же. С. 180) или о том, что «чета обходит вокруг огня» (Там же. С. 184) слева направо (Там же. С. 292, прим.).
57. Сухарева О.А. Свадебные обряды таджиков... С. 175–176.
58. Катирāйи Махмуд. Аз хешт тā хешт. («Человек: От кирпича до кирпича»). Тегеран, 1348 (г.х.). С. 184–185.
59. См.: Рахимов Р.Р. Дети и подростки в афганском обществе // Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М., 1983. С. 105; *Он же*. «Мужские дома»... С. 113–114. Разное количество людей в составе поезда жениха, о чем говорится в указанных работах автора, объясняется использованием в них разных версий сообщений афганских информантов.
60. Катирāйи Махмуд. Аз хешт тā хешт... С. 188.
61. Лобачева Н.П. Формирование новой обрядности... С. 36.
62. Кинжалов Р.В. К реконструкции древнегреческого свадебного обряда // Астарта: Культурологические исследования из истории Древнего Мира и Средних веков. Проблемы женственности. СПб., 1999. Вып. 1. С. 56–57.
63. Там же. С. 58–59.
64. Modi Jivadji Jamshedji. The Religious Ceremonies and Customs of the Parsees. 2nd ed. Bombay, 1937. P. 30.
65. Андреев М.С., Половцев А.А. Материалы по этнографии иранских племен... С. 15.
66. Моногарова Л.Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972. С. 138, 141.
67. Тер-Саркисянц А.Е. Свадьба у сельских армян: традиции и современность // Свадебные обряды народов России и Ближнего Зарубежья. М., 1993. С. 120.
68. Там же. С. 122.
69. Салмин А.К. Чувашские сорочины Юпа // Изв. Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 2002. Вып. 4. С. 82.
70. Там же.